

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.29>

Цопанова Рита Георгиевна

[Лексические максимы в рассказах А. Б. Кайтукова](#)

Цель исследования заключается в том, чтобы определить состав, тематику и функции лексических максим как регулятивов в рассказах осетинского писателя А. Б. Кайтукова. Научная новизна статьи связана с тем, что в ней впервые рассматриваются лексические максимы (тропы, лексика морально-нравственного, этического содержания и др.) в осетинском художественном тексте в аспекте теории регулятивности. В результате исследования были выявлены те максимы, которые являются главными регулятивными средствами в характеристике мужчин разного социального статуса. Это названия диких и домашних животных, пернатых, а из неодушевленных предметов - огня.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/9/29.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 163-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/9/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Закирова И. Г.** Мәңгелеккә аккан сулар бар // Милли – мэдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары. Казан, 2015. Б. 240-267.
5. **Мухаметзянова Л. Х.** Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 537-550. DOI: 10/22378/2313-6197/2018-6-3/537-550.
6. **Радлов В. В.** Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи: в 12-ти т. СПб.: Тип. Акад. наук, 1872. Т. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. 411 с.
7. **Смолицкая Г. П.** Писцовые книги как источник топонимии // Вопросы топонимики СССР: материалы топонимической комиссии 1970/71 и 1971/72 гг.: сборник / отв. ред. Е. М. Поспелов. М., 1972. С. 11-13.
8. **Татар халык ижаты:** Әкиятләр. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1977. Т. 1. 407 б.; 1978. Т. 2. 448 б.
9. **Терещенко А. В.** Особенности функционирования топонимов в селькупских фольклорных и бытовых рассказах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 10. С. 81-85.
10. **Хисамов О. Р.** Барабинские татары: история и топонимика // Милли-мэдәни мирасыбыз: Новосибирск өлкәсе татарлары. Казань: АН РТ, 2016. С. 11-64.
11. **Хисамов О. Р.** История тевризских татар в топонимах // Милли-мэдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2015. С. 14-37.
12. **Хисамов О. Р.** Тюрко-татарская топонимия Томской области // Милли-мэдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары. Казань: АН РТ, 2016. С. 11-52.
13. **Abulhanova Z. R., Mingazova L. I., Zakirova I. G., Yuldybaeva G. V.** Tatar Folk Custom 'Farewell to Ice': Based on the Proceedings of the Expeditions // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2019. № S2. P. 1-6.

Toponymic Space of the Siberian Tatars' Folklore

Hisamov Oleg Rishatovich, PhD

Zakirova Il'seyar Gamilovna, Dr

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
ohisamov@mail.ru; ilzakirova@mail.ru*

The study aims to identify toponyms and microtoponyms in the Siberian Tatars' folklore texts, determine peculiarities of relationship between folklore and toponymics. Scientific novelty of the research lies in the fact that an analysis of toponymic vocabulary in the Siberian Tatars' folklore is conducted for the first time making it possible to draw conclusions about national and cultural distinctiveness of space conceptualisation, which can be reconstructed using toponymic data. Materials, collected by the authors during complex expeditions to record folklore, ethnographical and linguistic data in the areas with high concentration of the Tatars in Tomsk, Omsk, Novosibirsk regions, as well as folklore collections served as sources of toponymic vocabulary. The attained results have showed that folklore toponymy is a means of transferring a toponymic version of ethnocultural information in the Siberian Tatars' perception and a source for studying the western dialect of the Tatar language.

Key words and phrases: toponym; folklore; Siberian Tatars; Tatar language; dialect.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.29>

Дата поступления рукописи: 19.07.2020

Цель исследования заключается в том, чтобы определить состав, тематику и функции лексических максимумов как регулятивов в рассказах осетинского писателя А. Б. Кайтукова. **Научная новизна** статьи связана с тем, что в ней впервые рассматриваются лексические максимумы (тропы, лексика морально-нравственного, этического содержания и др.) в осетинском художественном тексте в аспекте теории регулятивности. **В результате** исследования были выявлены те максимумы, которые являются главными регулятивными средствами в характеристике мужчин разного социального статуса. Это названия диких и домашних животных, пернатых, а из неодушевленных предметов – огня.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная стилистика художественного текста; лексические максимумы; регулятивность; А. Б. Кайтуков.

Цопанова Рита Георгиевна, д. филол. н., доц.

*Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
isopanowarita@yandex.ru*

Лексические максимумы в рассказах А. Б. Кайтукова

А. Б. Кайтуков – современный осетинский писатель, автор коротких рассказов. В его произведениях представлена яркая изобразительно-выразительная народная речь в литературно-художественном воплощении. Многомерность картины мира А. Кайтуков представляет в лексических максимумах, куда входят тропы, эмоционально-экспрессивная лексика, лексика морально-нравственного, этического содержания. Особенности идиостиля писателя связаны с тем, что он строит художественное слово с опорой на изобразительно-выразительные средства языка, используя их для создания реалистических и поэтических картин жизни людей и природы. Он представил читателю те традиции, помыслы, эмоции, морально-нравственные, этические ценности, которыми живет его народ.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения лексических максим в художественных текстах (в том числе и в произведениях А. Кайтукова) как регулятивных средств.

Были поставлены следующие **задачи**: определить состав и тематику лексических максим, используемых А. Кайтуковым при характеристике мужчин; проанализировать выбор автором максим определенной тематики как регулятивных средств; выявить роль лексических максим в рассказах А. Кайтукова.

В статье использованы следующие **методы исследования**: описательный, семантико-стилистический, метод компонентного анализа, контекстологический и концептуальный анализы.

Теоретической базой данного исследования явились работы видных отечественных лингвистов в области лексики и стилистики художественной речи (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. И. Ефимов, В. А. Маслова, М. И. Фомина), функциональной стилистики (В. В. Виноградов, М. Н. Кожина, Ю. А. Бельчиков), лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик), коммуникативной стилистики художественного текста (Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, И. Н. Тюкова) и др. Названные ученые рассмотрели различные проблемы, связанные с изучением языка писателя, образа автора, особенностями использования лексико-грамматических средств в различных функциональных стилях, со спецификой стилистики художественного дискурса, исследовали проблему связи языка, общества, культуры и человека и т.д.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материал может быть использован при изучении регулятивных средств в языке художественного текста.

Основными лингвистическими средствами регулятивности в произведениях А. Кайтукова стали лексические максимы, или коммуникативные «универсалии». Их определяют как «характерные для автора конструктивные принципы (“правила”) построения текста, обусловленные эстетическими установками создателя и реализующие его творческий замысел» [12, с. 10]. Многие максимы в произведениях писателя по содержанию имеют универсальный характер – «закон языковых универсалий» [7, с. 34-45]. В лингвистике под языковой универсалией понимаются «свойства, присущие всем языкам или большинству из них» [8, с. 535].

Максимы формируют регулятивность как один из важнейших принципов создания художественного текста. По содержанию они могут быть самыми разнообразными. Так, И. Н. Тюкова говорит о максимах «конвергенции, тропеизаций, метаморфозы, образной перспективы» [12, с. 10-11]. В произведениях А. Кайтукова к регулятивным универсалиям относятся тропы, эмоционально-оценочная лексика, а также лексика, выражающая морально-нравственные и этические понятия. В качестве регулятивных средств писатель использует также имена сказочных и мифологических персонажей, национальные языковые символы. Они идеально приближают читателя к пониманию концептуальной картины мира А. Кайтукова.

Максимы в произведениях писателя относим к лексическим регулятивным универсалиям (ЛРУ), которые представляют «вербальное воплощение в характерных для автора средствах и способах лексической регулятивности особенностей его мышления и способа взаимодействия с адресатом» [5, с. 42].

Они дают большие возможности для воздействия на сознание читателя, особенно в том случае, «если особенности мышления автора оказываются близкими особенностям мышления читателя или частично совпадают с ним, и регулятивный потенциал текста полностью реализует себя в данном “диалоге сознаний”. Авторский замысел, цели и интенции в таком случае достигают конечного результата» [Там же, с. 43].

Совокупность названных максим составляет языковую и концептуальную картины мира в произведениях писателя.

Идея В. В. Виноградова о «сотворчестве» читателя и автора [4, с. 8] была использована во многих исследованиях по языку писателя, в том числе и в исследованиях по коммуникативной стилистике художественного текста. Автором этого нового направления в лингвистике стала Н. С. Болотнова. Художественное слово будет более продуктивным, если идет активное воздействие на художественное сознание читателя. Эту цель в полной мере способны выполнять регулятивные средства разного языкового уровня.

Регулятивность как одно из системных качеств текста впервые было выделено Е. В. Сидоровым [10]. Н. С. Болотновой же принадлежит постановка проблемы регулятивности художественного текста и разработка ее теоретических основ [1; 2].

Регулятивность рассматривается Н. С. Болотновой как «системное качество текста, заключающееся в его способности “управлять” познавательной деятельностью человека» [3, с. 13].

Наиболее действенными регулятивами в языке считаются лексико-фразеологические средства.

Основными героями произведений А. Кайтукова являются мужчины. Автор вводит читателя в мир высокой мужской нравственности или демонстрирует низменные помыслы и поступки мужчин. В рассказах писателя исследуются лексические максимы, характеризующие мужчину как социальный тип: по физическому, психологическому и эмоциональному состоянию, по соблюдаемым морально-нравственным нормам, по внешности.

Герои произведений живут в единстве с природой, поэтому автор использует наименования зверей, птиц, домашних животных, природных явлений и предметов в качестве метафор, эпитетов, сравнений, гипербола, создавая благодаря им языковую и концептуальную картины мира. Этот мир близок и понятен читателю.

Положительные качества мужчины в рассказах Кайтукова представлены в образных сравнениях, чаще полных (когда имеются предмет сравнения, образ и признак сравнения). Так, силу, выносливость, сноровку, выражение ярости, которые проявляют положительные герои рассказов, писатель передает, сравнивая их с предметами быта (*Исе нугертте хъандзалтау ныттынг сты* (24) (здесь и далее цифры указывают на страницы в рассказах А. Кайтукова. – Р. Ц.). / *Его мышцы натянулись, как пружины*) (здесь и далее перевод автора статьи. – Р. Ц.); с дикими животными (*сагуйтау асарретт ласта* (47) (*прыгнул, подобно козуле*);

Дьууе леппуы аерсытау керседзийы се уселныхты ахастой (79). / Два парня схватились, как медведи; *фаэран-кау расаэрратт ласта* (24) (выскочил, как барс); *Хьырым дзебидырау хъазты астэумэ йахи фехста* (83). / Керим прыгнул на танцплощадку, подобно туру; *арсы дзембыты хуызен хъандзал сенгуылдзтэй* (227) (твердыми, как лапы медведя, пальцами)); **с домашними животными** (*гал уерыккау йе 'ккой аербахаста* (92) (принес вола на спине, как ягненка)); **с предметами ландшафта** (*кэадзехау лаууыди* (30) (стоял, как скала)); **с пернатыми** (*Теде уариуа Хъанымэты цъах бэхыл абадт* (30). / Теде взлетел на коня Канамата, подобно соколу; *кэрадзимэ знает цэргэстау тъабэртт систой* (30) (кинулись друг на друга, как взбесившиеся орлы); *Се 'хсан Хъанымэст хъаерцыгъайау смидаг* (32). / КанаMAT влетел между ними, как ястреб; *цэргэстау йе кьабэзта систа* (83) (поднял руки подобно тому, как орел поднимает крылья в полете)); **с растениями** (*Цангта – тулдз бэласы зэнгау* (29). / Руки, как ствол дуба); **с мифическими героями** (*уэй-гуытау дэларм-уэларм аерхацыдысты* (29) (схватились, как великаны)).

Для положительной или отрицательной характеристики мужчины, парня писатель часто обращается к метафорам, которые имеют «статус национально-культурного эталона» [11, с. 200]. В качестве метафор выступают наименования живых и неживых существ. Положительно-оценочные наименования мужчин: *тулдз бэлас* (16) (дуб), *саэрджын саг* (51) (олень с ветвистыми рогами), *коман уыди йе лаугэ хох, йе цэугэ масыг* (51) (был надеждой для жителей ущелья; букв.: был его стоячей горой, его идущей башиней), *сахъ цэргас* (236) (бравый орел), *сычыйы леппын* (116) (детеныш серны), *буламэргъ* (соловей), *дзыхыкъабэл* (116) (краснобай), *уерыкк* (118) (ягненок).

Отрицательно-оценочные наименования мужчин: *Айдарыхъо... рувас* (*Айдарыко... лиса*) (23), *сау калм* (33) (черная змея), *куыды афтыддаг* (114) (выкидыш собаки), *лагбирэгъ* (115) (мужчина-волк), *гацыйы хъыбыл* (117) (щенок суки), *хуыйы хъыбыл* (117) (поросенок; букв.: щенок свиньи), *лагсырд* (116) (зверь; букв.: мужчина + зверь), *хъамылы хуы* (32) (кабан камышовый) и др.

Для этической характеристики мужчины используются и эпитеты: *хъуынджынэардэ фыд* (226) (зловредный), *мангард* (34) (коварный), *тугайдзаг, чъизи къухта* (35) (кровавые, грязные руки), *былысчыл каст* (25) (презрительный взгляд); *сызгъаерин къухта* (золотые руки), *дзуапджындэар лаг* (самый красноречивый мужчина) и др.

Для раскрытия различных состояний своих персонажей и внешнего их проявления писатель прибегает к такому функционально-смысловому типу текста, как описание. При этом наряду с эмоционально-экспрессивной, образной лексикой он использует и фразеологию экспрессивной окраски: *...цэсгом артау ссыгъди* (115) (...лицо запылало, как огонь); *Дзантемыры сыр дэстыта цэхэар акалдой, йе кьамисэнта сдэахст-дэахст кодтой* (115). / Звериные глаза Дзантемира засверкали, в висках застучало; *Туг йе цэсгомыл абад*. / Кровь прилила к лицу; *Йе хъуста цъах арт суагътой*. / У него горели уши (букв.: Его уши загорелись синим огнем); *Габола арф нгуулафыд* (80). / Габола глубоко вздохнул; *фэсырх, тэрныхы хид асэрфта* (80) (покраснел, вытер пот со лба) и т.д.

А. Кайтуков создает национальный эталон мужской красоты, используя лексические максимы, в составе которых – сравнения, эпитеты и другие оценочные слова: *Хъазты фэзы цэргэстау куы аленк кодта* (227). / Когда пронесся (букв.: проплыл) в танце, как орел; *Сагау гуырвидауц уаэнгты эмалдыл цэст нэ хэцыд* (227). / Глаза не успевали за движениями стройного, как олень, парня; *тасаг, хэргзонд уаэнгта* (236) (гибкие, стройные руки), *фэтенуаэхск, нарагастэу леппутэ* (широкоплечие, с тонкой талией парни), *рэхснаг уаэнгта* (26) (стройные плечи), *уэйыгангас* (похожий на великана), *зынг цэстангас* (33) (горящий взгляд) и др.

Чувство ненависти и связанная с ним боль представлены в таких метафорах: *дур* (камень) (*Гауысы риуы цы тугайдзаг уазал дур уыдис, уый аэрэхсын* (11). / Промыть кровавый холодный камень, который был в груди Гауыса); *масты дзэкъл* (11) (мешочек желчи) (*Йе масты дзэкъл тынгэй-тынгдэар расыди* (11). / Он злился все больше (букв.: Мешочек его желчи опухал все больше)); *ихдон* (ледяная вода) (*Гауысыл цыма ихдон бакалд, уыйау йе уаэнгта ныддыз-дыз кодтой, артау ссыгъди йе маст* (13). / Гауыс задрожал так, будто его облили ледяной водой), *суцца маст* (13) (жгучая злость), *цырен арт* (пылающий огонь), *цэстысындз* (колючка в глазу), *хъуына* (плесень), *армы зынг* (51) (огонь в руке), *хэрамдзинады зынг* (огонь ненависти) (115), *туджы арт* (93) (огонь крови), *бирэгъы цэстыта* (117) (глаза волка), *кард ама фыд* (118) (нож и мясо) (*Дьууе мыгаджы кард ама фыдау ныхэй-ныхма аэрлаууыдысты* (118). / Представители двух фамилий встали друг против друга, как нож и мясо), *хелуарэг* (179) (паук), *дыдын* (оса) (...дыууе леппума дыдынау бадыв-дыв кодта (117). / ...прожужжал двум парням, как оса) и др. В основе приведенных метафор много когнитивных признаков «метафоризируемых» объектов [9, с. 207]. Если взять концепт НЕНАВИСТЬ, то на основе вербализующих его слов можно указать следующие когнитивные признаки: *дур* (камень) («неподъемный», «непробиваемый»), *цырен арт* (сильный огонь) («жгучий», «испепеляющий») и т.д.

Для выражения состояния беспомощности, грусти и робости, которые испытывают некоторые персонажи рассказов, автор прибегает также к традиционным сравнениям, метафорам и эмоционально-оценочным словам: *...уынаффагэнаг лагта састбазыр цэргэстау саргуыбыр, уаэнгэхылаей бадга* (170). / ...мужчины сидели, как орлы с поломанным крылом, склонив головы и опустив плечи; *халоны аенахъом леппынтау се дзыхта схэлиу кодтой* (раскрыли рты, как беспомощные птенцы вороны); *Теде дзы, гэдды мыстэй куыд хъаза, фта хъазын райдыдта* (29). / Теде начал играть им, как кошка мышью; *Лаг йе бэхэй зыгуымы голлага аерхауд* (32). / Мужчина упал с коня, как мешок с соломой) и др.

Для характеристики знатных князей используются лексические максимы, которые адекватно передают их низменные чувства: спесивость, горделивость, своенравие и жестокость. Один из представителей этого

класса – Айдарыко. Он и внешне, и по поведению ассоциируется с хищником: *хъуынджын аерфгуытае царгасы базыртау уелиау систа* (20) (*густые брови поднял высоко, как крылья орла*); *иае донхуыз цастытае хъерцыгъайау фасиведы нысагъта* (*острым, как у ястреба, взглядом оглядел молодежь*) (букв.: *вонзил свои темно-серые глаза в молодежь, как ястреб*). Смотрит вслед парню, победившему в состязаниях, с ненавистью (*тудзастай*; букв.: *кровавым взглядом*). Не менее ярко описан другой представитель этого социального класса – Тасолтан. Ведет себя высокомерно – *сарбарзондай* (28). Он проигрывает более сильному, но бедному по происхождению противнику, поэтому приходит в бешенство: *мастай ныттыппыр* (*надулся от злости*), *цастытае туджы зылдысты* (30) (букв.: *глаза вращались в крови*).

Мужчина должен соблюдать установленные в его обществе морально-нравственные нормы, чтобы остаться достойным представителем своего народа и быть востребованным в обществе. Лексические максимы в произведениях А. Кайтукова дают представление о базовых ценностях, которым следуют положительные герои произведений. Например, самоуважение, готовность защищать близких, патриотизм, единство с природой, умение ценить мудрость старших, готовность помочь другим, уважение традиций, сохранение мужского достоинства и чести, умение прощать, знать цену угощению, высоко ставить личную свободу, семью. Понимание важности этих ценностей приходит к читателю из произведений А. Кайтукова, так как в содержании лексических максим, используемых писателем, закреплена часть культурной памяти народа.

Можно сделать **вывод**, что в состав лексических максим в произведениях писателя, имеющих важные регулятивные функции, входят художественно-образительные средства, эмоционально-экспрессивная, образная лексика, этические понятия, многие из которых можно считать культурными концептами. Тематика лексических максим связана с многосторонней характеристикой различных социальных типов мужчин. Указанные лексические средства играют важную роль в постижении художественных задач, поставленных писателем. Кроме того, они стали показателем идиостиля Ф. Кайтукова и средством воздействия на сознание читателя.

Предполагается **дальнейшее изучение** регулятивных средств в произведениях А. Кайтукова, так как теория регулятивности остается одним из перспективных направлений в изучении стилистики художественного текста.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-512-07002, проект «Коммуникативная стилистика современного осетинского художественного текста: проблемы идиостиля и лексической структуры».

Список источников

1. Болотнова Н. С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka*. 1998. Вып. VII. С. 179-188.
2. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 312 с.
3. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Бакланова Е. А. и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: колл. монография / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. 492 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
5. Кабанина О. Л. Лексические регулятивные универсалии: к определению понятия // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2018. № 4 (193). С. 41-43.
6. Кайтуков А. Б. Распределители счастья / на осетинском языке. Владикавказ: Ир, 1993. 247 с.
7. Мельников Г. П. Язык как система и языковые универсалии // *Языковые универсалии и лингвистическая типология* / отв. ред. И. Ф. Вардуль. М.: Наука, 1969. С. 34-45.
8. Новикова Т. М. Универсалии // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 535-536.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2010. 314 с.
10. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
11. Телня В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 189-204.
12. Тюкова И. Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2005. 30 с.

Lexical Maxims in A. B. Kaitukov's Stories

Tsopanova Rita Georgievna, Dr
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz
tsopanowarita@yandex.ru

The research objective includes identifying the structure, subject and functions of lexical maxims as regulatives in stories of the Ossetian writer A. B. Kaitukov. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher for the first time examines lexical maxims (tropes, words of moral and ethical content, etc.) in the Ossetian literary text in the aspect of the regulativity theory. The conducted research allows identifying maxims, which serve as the basic regulatory means of characterizing males with different social statuses (names of wild and domestic animals, birds and inanimate objects – fire).

Key words and phrases: communicative stylistics of literary text; lexical maxims; regulativity; A. B. Kaitukov.